

гической практики коллектива, музейное этнокультурное пространство представлено реконструированными экспозиционными залами, представляющими собой интерьер сибирской избы, горницы, сеней, а также мастерскими народных ремесел и традиционного декоративно-прикладного творчества. Основной фонд музея насчитывает более 2000 уникальных экспонатов. В реализацию интерактивных форм деятельности музея включены педагоги-мастера ремёсел, фольклорные ансамбли школы, поэтому экскурсии в музее чрезвычайно востребованы и актуальны не только для знакомства и изучения устной истории, но и для формирования стойкого интереса к духовным и материальным ценностям этнокультурного наследия, воспитания уважения к музейным предметам, развития информационного культурно-исторического поля музейной коммуникации.

В целом эффективность организации жизнедеятельности детей и подростков в детском музее определяется как внутренними возможностями, присущими детскому музею как социокультурному образовательному феномену, так и педагогическими условиями, зависящими от типа детского музея как социального института. В настоящее время наиболее благоприятной базой для деятельности детского музея нам представляется организация дополнительного образования.

В. А. Бармин

СОБЫТИЯ МОНГОЛО-КИТАЙСКОГО ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА 2 – 8 ИЮНЯ 1947 ГОДА В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена малоизученному сюжету истории монголо-китайских отношений во второй половине 40-х годов XX века. Научная и общественно-политическая значимость этого сюжета заключается в том, что Монголия оказалась вовлечена в события национально-освободительного движения коренного населения Синьцзяна против китайской администрации. Вместе с тем в статье, показывается довольно тесная связь монгольского руководства с отдельными участниками национального движения Синьцзяна.

Ключевые слова: Монголия, Китай, Синьцзян, конфликт, Байташань, казахи, национально-освободительное восстание, Оспан-батыр.

В начале июня 1947 года в местечке Байташань, на синьцзянском участке китайско-монгольской границы, произошёл серьёзный инцидент с участием войск Монгольской Народной Республики и Китая.

По официальной версии правительства Монгольской Народной Республики, 2 июня 1947 года отряд казахов, насчитывавший несколько сот человек, во главе с Оспан-батыром и поддерживавшие их подразделения регулярной гоминьдановской армии, уничтожив монгольскую пограничную заставу, пересекли китайско-монгольскую границу и проникли вглубь монгольской территории. Подошедшие в район нарушения монгольские войска 5 июня 1947 года в ходе ожесточённого боя вытеснили нарушителей за линию государственной границы, нанеся им существенный урон. В ходе боевых действий части монгольской армии поддерживались авиацией [1].

Однако те же события в версии, изложенной Центральным телеграфным агентством китайского правительства в сообщении от 9 июня, выглядели совсем иначе. По данным, которыми располагало агентство (эти данные могли быть предоставлены только синьцзянскими властями, поскольку гоминьдановские правительственные структуры, по мнению американских дипломатов, даже не знали, в какой точке провинции находится Байташань – В.Б.), кавалерийское подразделение Монгольской Народной республики 5 июня, нарушив государственную границу в районе местечка Байташань, напало на китайские части, дислоцировавшиеся в этом районе, и в ходе боёв продвинулось в глубь китайской территории на 200 миль.

Сообщалось также, что боевые действия монгольских частей «...поддерживали 4 самолёта, имевшие опознавательные знаки СССР». Советские, самолёты по версии китайской стороны, продолжали бомбардировку и обстрел китайских войск и в последующие несколько дней [2].

В контексте рассматриваемых событий безусловный интерес представляет личность руководителя отряда казахов, нарушивших монголо-китайскую границу Оспан-батыра. Казах-кирей Оспан (Оспан-батыр), занимавшийся с 30-х годов политическим или, как называют это в западной историографии, “социальным” бандитизмом, до начала 40-х годов был мало известен не только в Китае или Монголии, но даже за пределами Алтайского округа провинции Синьцзян, где действовали его отряды. Ситуация изменилась когда в Синьцзяне начался новый подъём национально-освободительного движения коренных народов провинции против китайской администрации. Повстанческое движение началось летом 1944 года после того, как власти Синьцзяна издали указ о реквизиции у населения провинции 10 тысяч лошадей на военные нужды. При этом “...за каждую не поставленную лошадь скотовладельцы должны были выплатить в казну 700 синьцзянских юаней, тогда как рыночные цены на лошадей были в два раза ниже» [3].

Поскольку этот указ затрагивал, прежде всего, интересы кочевников-скотоводов, недовольство, стихийно переросшее в восстание, охватило районы кочевий в Илийском округе, и, в частности, Нилхинский уезд.

В сентябре деятельность мелких партизанских групп, состоявших в основном из казахов, была поддержана восстанием монголов, которых возглавил осужденный за борьбу с китайскими властями и бежавший из тюрьмы Фучжа-амбал [4]. Большой урон китайским войскам наносили партизанские отряды уйгура Гани-батыра, татарина Фатых-батыра и целого ряда других руководителей партизанских отрядов, в которых воевали представители всех коренных народов Синьцзяна.

В этот же период значительно активизировали свою деятельность отряды повстанцев в Алтайском округе, которыми командовал Оспан-батыр. Правда, единства относительно личности самого Оспана и тем более самостоятельности его действий, по крайней мере, до второй половины 40-х годов, у западных исследователей нет. Английский историк А. Форбес в своей работе “Милитаристы и мусульмане в Китайской Центральной Азии. Политическая история республиканского Синьцзяна 1911 – 1949 годов”, ссылаясь на мнение губернатора Шен Шицая, высказывает убеждение, что Оспан получал помощь и директивы из Советского Союза. В тоже время серьёзные боевые стычки его отрядов с правительственными войсками в декабре 1943 и феврале – марте 1944 годов явились, по мнению Форбеса, следствием его соглашений в середине 1943 года с руководителями МНР [5]. Весной 1944 года Оспан-батыр увёл на территорию МНР несколько тысяч казахов, отказавшихся подчиниться требованию китайских властей переселиться на юг провинции. Уход казахов через монгольскую границу вызвал серьёзный монголо-китайский военный конфликт, в котором приняла участие и советская авиация.

В ходе пребывания Оспан-батыра на территории Монголии он установил тесные контакты с руководством МНР и, как свидетельствуют последующие события, в дальнейшем пользовался всесторонней поддержкой монгольских властей.

Однако, сегодня можно с известной долей уверенности сказать, что, по крайней мере, до начала 1944 года Оспан-батыр не мог получать помощь из Советского Союза, хотя бы потому, что в апреле 1944 года консул СССР в Алтайском округе Ф. Михайлов в специальной справке информировал своё руководство о том, кто такой Оспан, какими силами он располагает и насколько опасна для китайцев его деятельность. Содержание справки однозначно указывает на то, что для заинтересованных лиц в комиссариате иностранных дел СССР имя Оспана, в указанный период, мало, о чём говорило.

Консул сообщал, что после того как участники восстания казахов 1940 – 1941 годов, приняв гарантии китайских властей относительно безопасности их жизней, сложили оружие,

Оспан-батыр с несколькими соратниками отказался сдаться и продолжил борьбу. Его вооружённая «деятельность» продолжалась весь 1942 год, но особенно усилилась со второй половины 1943 года. «Многие авторитеты и большая часть казахского населения округа (главным образом Коктогайского, Чингильского и Булунтохойского уездов), – сообщает Михайлов, – относятся к группе Оспана сочувственно, поддерживают её и деятельность группы расценивают как борьбу за освобождение мусульманского населения от гнёта китайцев. За счёт местного населения группа Оспана с 16 человек в начале 1942 года усилилась до 300 активных участников к ноябрю 1943 года» [6].

Из справки ясно, что группа повстанцев Оспана в начале 1944 года была численно относительно небольшой и вряд ли пользовалась поддержкой Советского Союза. Такая поддержка будет ему действительно оказываться, но несколько позже. Есть основания считать, что благодаря именно этой поддержке в сентябре 1944 года Оспан почувствовал себя настолько сильным, что предпринял попытку захватить столицу Алтайского округа Шара-Сумэ. Попытка оказалась неудачной, китайские войска сумели отбить нападение, но Оспан в ходе этой операции значительно увеличил свои силы, ибо к его отрядам примкнуло "... почти все основное население Шара-Суминского, Бурултогойского и отчасти Бурчумского уездов Алтайского округа в количестве более 5 тыс. хозяйств..." [7]. После этого на казахов Алтайского округа обрушились репрессии. Сразу после неудавшейся операции Оспана в Шара-Сумэ была проведена публичная казнь, в ходе которой китайцы расстреляли 40 казахов, захваченных в плен. Сотни людей были арестованы и брошены в тюрьмы. Однако все эти меры только обострили противостояние коренного населения провинции и китайской администрации. Тот же Ф. Михайлов сообщал своему ведомству что «Среди населения в отношении группы Оспана имеются разговоры о том, что Оспана поддерживает МНР, а её поддерживает Советский Союз. Среди отдельных казахов Кабинского уезда имеются разговоры о том, что если китайцы усилят преследования их, то они уйдут к Оспану или в Советский Союз».

6 сентября при поддержке повстанческих отрядов Оспан-батыра армия созданной в ходе восстания коренных народов Синьцзяна Восточно-Туркестанской Республики штурмом взяла столицу Алтайского округа город Шара-Сумэ.

К середине сентября 1945 года отряды Оспан-батыра совместно с войсками северного фронта ВТР, которыми командовал бывший офицер белогвардейской армии адмирала Колчака – Полинов, полностью освободили Алтайский округ от гоминьдановских войск. После этого Оспан-батыр был назначен правительством Восточно-Туркестанской республики губернатором Алтайского округа. Однако столь высокая должность не удовлетворила "социального" бандита, и между ним и правительством республики сразу же начались трения. Оспан-батыр отказывался подчиняться приказам руководства, а его отряды не выполняли приказы командования армии. В частности после решения приостановить активные боевые действия повстанческих сил против китайских войск, отряды Оспан-батыра не только не выполнили этого приказа, но, напротив, даже усилили активность в зоне своего расположения.

Суть противоречий заключалась в том, что Оспан-батыр вынашивал идею создания на территории Алтайского округа "Алтайского ханства", а себя видел ханом во вновь созданном государстве. Более того, он заявлял, что во время его встреч с премьер-министром МНР, маршалом Х. Чойбалсаном, ему была обещана поддержка в создании такого ханства.

В октябре 1945 года ситуация с Оспан-батыром стала настолько выходить из-под контроля, что руководитель НКВД Л. Берия вынужден был обратиться со специальным письмом к В. Молотову, выразив в нём просьбу согласовать действия в отношении "казахского Робин Гуда" с Х. Чойбалсаном. Л. Берия, в частности, сообщал в своём письме: "По имеющимся сведениям, руководитель повстанцев Алтайского округа Оспан Батыр, после освобождения Алтая, не намерен признавать правительства Восточного Туркестана, созданное в Кульдже, и Алтай считает самостоятельным государством, а себя ханом Алтая.

Оспан Батыр заявляет, что в 1944 году во время его встречи с Чойболсаном, последний обещал Алтай превратить в самостоятельное государство, а его назначить ханом Алтая, поэтому Оспан Батыр считает обязательным для себя только указания Чойболсана.

По предложению нашего представителя Оспан Батыр приступил к исполнению обязанностей губернатора Алтая и заявил, что будет руководствоваться его советами, однако заявил, что Чойболсан обещал Алтаю самостоятельность, а ему звание хана.

Учитывая решение о переговорах между кульджинскими повстанцами и китайским правительством, считаю целесообразным поручить Чойболсану дать указание Оспан-Батыру прекратить активные боевые действия против китайцев, перейти к обороне и содействовать кульджинским повстанцам в переговорах по мирному урегулированию конфликта с китайцами” [8].

Попытки командующего Национальной Армией ВТР Исхакбека Мунунова, советских представителей как при правительстве ВТР, так и тех, кто работал в Шара-Сумэ при ставке самого Оспан-батыра, убедить его подчиниться приказам о прекращении боевых действий не возымели успеха. Не подчинился Оспан-батыр и указаниям Чойбалсана. Более того, в июне 1946 года он, сославшись на болезнь, оставил губернаторский пост и вернулся к роли руководителя крупного вооружённого отряда, принявшись, однако, теперь нападать как на подразделения и обозы гоминьдановских войск, так и на кишлаки и городки, которые контролировались властями ВТР.

С конца 1946 года Оспан-батыр окончательно перешёл на сторону гоминьдановского правительства, получив должность “Особоуполномоченного синьцзянского правительства в Алтайском округе”, и порвал с повстанческим движением, став одним из его наиболее опасных врагов.

Сепаратизм отдельных руководителей повстанческого движения, не столь значительных по уровню и масштабам деятельности, как Оспан-батыр, чаще всего провоцировался не только личными амбициями, но и межэтнической неприязнью народов, принимавших участие в Революции трёх округов.

С 1944 года массовым явлением стали переходы жителей приграничных районов Синьцзяна на советскую территорию. Чаще всего причиной переходов было желание уйти от бедствий войны. Тем более, что многие из так называемых перекочёвщиков являлись бывшими советскими гражданами, ушедшими на территорию Синьцзяна в годы гражданской войны, басмаческого движения и коллективизации. Эти люди являлись, по сути, реэмигрантами. Кроме того, переходы происходили под натиском китайских войск, ведших борьбу против повстанцев, а также осуществлялись совместно с отрядами армии ВТР, которые уходили на советскую территорию для отдыха и перегруппировки.

В докладной записке ответработника ЦК КП (б) Казахстана А. Карагулова “О перекочёвщиках из Китая в Тарбагатайский район Восточно-Казахстанской области”, направленной секретарю ЦК Ж. Шаяхметову 5 марта 1945 года, отмечается, что в Тарбагатайский район с китайской территории перекочевали 1278 казахов и 974 человека монголов-торгаутов. Однако через полтора месяца монголы ушли назад в Китай. Среди причин ухода монголов А. Карагулов называет следующие:

“– Среди перекочёвщиков в Тарбагатайский район монголы составляли меньшинство, а казахи-большинство. Они в Китае были между собой во враждебном отношении. Поэтому монголы боялись остаться в Казахстане;

– Монголы получили приглашение от своего укуртая – уездного начальника – монгола вернуться обратно в Китай, так как китайские власти якобы обещали создать монголам хорошие условия, если они вернуться к старому месту жительства, не поддержат казахов-повстанцев” [9].

Следует подчеркнуть, что эпизоды, подобные приведённому, не были единичными и во многом определяли как само явление сепаратизма, так и безусловную проблему межэтнических противоречий в революционном лагере в целом.

Уже в первой половине сентября 1947 года один из наиболее активных в прошлом лидеров повстанцев Оспан-батыр, перешедший теперь на сторону китайских колониальных властей, предпринял попытку вернуть себе контроль над Алтайским округом, в котором он до июня 1946 года был губернатором. Во главе отряда казахов численностью до 1600 человек он скрытно прошёл к предместьям столицы округа Шара-Сумэ и в ходе неожиданной атаки, 12 сентября, занял её. Действующий губернатор округа генерал Далельхан вынужден был бежать из города и во второй половине сентября прибыл в столицу Тарбагатайского округа г. Чугучак с просьбой об оказании срочной помощи в разгроме Оспан-батыра. Гражданские и военные власти Тарбагатайского округа предприняли энергичные меры по оказанию такой помощи. Был объявлен набор добровольцев во вновь комплектуемые войсковые части, в результате чего было сформировано, в дополнение к имевшимся подразделениям, 2 кавалерийских полка и несколько пехотных батальонов. Во второй половине октября регулярные войска национальной армии, дислоцировавшиеся в Тарбагатайском округе, и завершившие формирование части добровольцев подошли к Шара-Сумэ и заняли город, изгнав оттуда отряды Оспан-батыра. В последующие дни, после нескольких поражений, Оспан-батыр и его отряды были вынуждены вновь отступить в горы.

В Синьцзяне ни для кого не было тайной то, что операция по захвату контроля над Алтайским округом была предпринята Оспан-батыром по указанию китайских властей провинции. Для проведения этой операции он получил не только подкрепление людьми, но и помощь оружием, боеприпасами, продовольствием.

В этом не особенно сомневались и американские дипломаты в Синьцзяне, хотя, по сообщениям консула Пэкстона, командующий Урумчинским округом генерал Сун Силян в беседе с ним заявлял, что «Войска Осман-батыра не подконтрольны ему» и действуют совершенно самостоятельно. Однако он вместе с тем признал, что «...Поход Османа осуществлялся при помощи боевой техники Китая», настаивая только на том, что «Китай не отправлял ему в помощь своих войск ...» [10]. Сун Силян заявил также Пэкстону, что операция, предпринятая Оспан-батыром, является попыткой этого казахского лидера «Вернуться на должность Особоуполномоченного синьцзянского правительства, на которую он был назначен китайскими властями и с которой его незаконно сместили» руководители национально-освободительного движения.

Весьма сомнительно, чтобы Оспан-батыр мог действительно без согласования с гражданским и военным руководством провинции решиться на рискованную операцию, тем более под столь неубедительным предлогом. Если речь и могла идти о какой-либо инициативе со стороны Оспан-батыра, то основываться эта инициатива могла только на известном властолюбии и тщеславии этого человека.

Встречавшийся с Оспан-батыром через год после описываемых событий английский журналист и путешественник И. Моррисон посчитал нужным дать достаточно жёсткую и нелицеприятную характеристику и самому «социальному бандиту» и его отношениям с китайцами. Он, в частности, писал: «...Совершенно понятно то, что Осман, несмотря на высокие слова и заявления, больше заинтересован в личной власти, чем в политической идеологии. Китаю удобно иметь такого человека на своей стороне, и в данный момент он поставляет Осману и оружие и деньги. Но Китай не настроен проявлять большое доверие человеку, менявшему стороны фронта столь часто, как это делал Осман» [11].

Таким образом, есть достаточно много оснований считать, что и события, связанные с нарушением отрядами Оспан-батыра монголо-китайской границы, нападение на монгольскую заставу и убийство монгольских пограничников, явились продуманной и подготовленной операцией руководства гоминьдановских войск в Синьцзяне. При этом можно с известной долей уверенности говорить о том, что Оспан-батыром помимо прочих факторов руководила личная обида на монгольское руководство, за то, что оно не выполнило своего обещания поддержать его ханские амбиции на Алтае.

Между тем, монголо-китайский конфликт в районе Байташаня, завершился разгромом отряда Оспан-батыра и поддерживавших его гоминьдановских войск. Уже 7 – 8 июня они были вытеснены с монгольской территории и, понеся большие потери, прекратили боевые действия. Пытаясь оправдать своё поражение руководители провокации сообщили в Пекин, что причиной их поражения стало участие в боевых действиях советской авиации. 11 июня посол Китая в Москве Фу Бичан вручил В.М. Молотову телеграмму министра иностранных дел Ван Шицзе, в которой тот обвинял Советский Союз в том, что «5 июня сего года 4 самолёта с опознавательными знаками СССР, нарушив границу, перелетели на территорию Китая в Синьцзян и на расстоянии 200 км от границы над пунктом Байташань произвели бомбометание и обстрел китайских войск». В связи с этим министр по поручению своего правительства заявлял «энергичный протест» и требовал «немедленного наказания виновников» [12]. В ответ на обвинения китайцев 14 июня было опубликовано заявление ТАСС, в котором эти обвинения отвергались как «не соответствующие действительности и являющиеся провокационным вымыслом». После этого между сторонами прошёл обмен нотами с взаимными обвинениями и протестами [13].

Инцидент в Байташане осложнил и без того весьма непростые взаимоотношения Советского Союза и Китая в Синьцзяне. В то же время разрыв мирного соглашения между повстанцами трёх округов и Центральным правительством, произошедший в августе того же года и приведший к новому витку противостояния между провинциальными властями и национально-освободительным движением, окончательно похоронил надежду на казавшуюся близкой и достижимой нормализацию этих отношений.

Библиографический список

1. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Paper. 1947. Volume VII. P. 566.
2. Op.cit. P/567.
3. Яковлев, А.Г. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944 – 1949 гг. / А.Г. Яковлев // Учён. зап. Института востоковедения АН СССР. Китайский сборник. – Т. X. – М., 1955. – С. 165.
4. Мингулов, Н.Н. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекаитайской революции (1944 – 1949) / Н.Н. Мингулов // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. – Алма-Ата, 1962. – С. 73.
5. Forbes, A. War Lords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang 1911-1949 / A. Forbes. – Cambridge, 1968. – P. 171.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Референтура по Китаю. Оп. 32-а. П. 299. Д.9. Л. 9.
7. Хакимбаев, А.А. Национально-освободительное движение коренного населения Синьцзяна в 30-х и 40-х годах XX века / А.А. Хакимбаев // Институт востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень. № 64 (120). – М., 1971. – С. 121.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401 с. («Особая папка» В.М. Молотова). Оп.2. Д. 104. Л. 62-65.
9. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 9. Д. 303. Л. 5-10.
10. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Paper. 1947. Volume VII. P. 572-573.
11. Morrison I. Some Notes on Kazaks of Sinkiang // Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. XXXVI. Part I. January 1949.
12. АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П. 164. Д. 7. Л. 130.
13. См. ноты Поверенного в делах СССР в Китае министру иностранных дел Китая Ван Ши-цзе от 20 июля 1947 года // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41-а. П. 164. Д. 7. Л. 62., 73, 87.